

— Я васъ люблю, Софья Ивановна, простите, что это вамъ сказалъ.

Сонечка ничего не отвѣчала, но на щекахъ ея заиграла краска, она наклонилась къ Маркову и поцѣловала его въ самыя губы.

Дрожь, какъ электрическая искра, пробѣжала по тѣлу Маркова; поцѣлуй зажегъ въ немъ всю кровь и онъ началъ обнимать и цѣловать Сонечку; «ты меня любишь, какъ я счастливъ, за что это мнѣ», твердилъ онъ; велико было ихъ блаженство и весь міръ забыли они въ эти минуты. Вдругъ вблизи раздалась пѣсня пьянаго мужика, оба они вздрогнули, опомнились и пошли къ рошѣ.

XI.

Слѣдующее событіе случилось черезъ недѣлю послѣ Троицы.

Сонечка написала слѣдующее письмо къ мужу:

«Я отъ васъ уѣзжаю и мы больше не увидимся. Вышла я за васъ насильно; за богатство я не продаю своей любви и васъ никогда не любила. Прощайте, Софья Калипкина.»

Она запечатала эту записку, написала адресъ и положила на письменный столъ мужа, а сама одѣлась и пошла въ гостиницу на Кавалихинской площади.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ города выѣхала почтовая тройка; въ кибиткѣ сидѣли Сонечка и Марковъ. Вотъ проѣхали монастырь, Софья взглянула безъ сожалѣнія въ послѣдній разъ на удаляющійся городъ, надъ нимъ бѣжали черныя массы облаковъ и Софья обняла своего Владиміра и крѣпче прижалась къ его груди.

Ямщикъ подвизалъ колокольчикъ и тройка помчалась по большой дорогѣ....

Пиатій Савельевъ.

Плѣнь Вавилонскій.

(Изъ Байрона.)

Въ стѣнахъ Вавилона, окрестъ чуждыхъ водъ,

Тоскуетъ въ неволѣ плѣненный народъ

И плачетъ слезами горючими онъ.

О милой отчизнѣ, погибшей какъ сонъ,

О зломъ сиротствѣ своего алтаря,

Объ арфѣ разбитой поэта — Царя!...

О плачьте же, плачьте, съ нимъ вмѣстѣ о томъ,

Что нынѣ тамъ идолю, гдѣ Божій былъ домъ.

Гдѣ горькій Израиль омоетъ себѣ

Стопы ногъ, истерзанныхъ въ долгой ходьбѣ?

Когда для него сладко вновь зазвучать

Сіонскія пѣсни, что грустно молчатъ?

Воскреснетъ ли образъ минувшихъ годовъ

Въ знакомыхъ аккордахъ еврейскихъ ладовъ,

Забьется ли весело сердце его

Отъ звуковъ небесныхъ напѣва того?

Скиталець Израиль! Найдешь ли ты гдѣ

Для сердца изнываго въ тяжелой бѣдѣ

Отраду и отдыхъ, пріютъ и покой?

И плѣнь разрѣшится ль свободою твоей?...

У птицы гнѣздо есть, она въ немъ живетъ,

Берлогу и пору звѣрь вероду найдетъ;

Народамъ отчизна судьбою дана;

Тебѣ жь Израиль — могила одна.

М. Д.

ЗАМѢТКА О ЗДѢШНИХЪ ГОРОДСКИХЪ ВЫГОНАХЪ.

Всѣ городскія пастбища, такъ называемые выгоны, въ окрестностяхъ Петербурга, вмѣсто того, чтобы доставлять пабущихся на нихъ стадамъ здоровый и питательный кормъ, а главное — прогулку на свѣжемъ и чистомъ воздухѣ, не удовлетворяютъ ни тому, ни другому, по сути ни что иное, какъ въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ выгонанныя скотомъ, среди самаго жаркаго лѣта, болота, ѣдкая грязь коихъ причиняетъ скоту копытную болѣзнь и вмѣсто какой либо травы — разбросанные нѣрѣдка кочки зеленого мха, которыя не только неспособны удовлетворить голода животныхъ, но напротивъ, пробивающіяся на нихъ рѣдкія травы, пропитанныя болотными кислотами, развиваютъ язвы на языкахъ. Опытномъ доказано, что большая часть обывательскаго скота каждую осень страдаетъ этими болѣзнями, а эти бѣдствія увеличиваются еще тѣмъ, что пастбища служатъ въ зимнее время для своза всѣхъ городскихъ нечистотъ, что отъ недосмотра не рѣдко случается и лѣтомъ; зимою же, вмѣстѣ съ снѣгомъ и льдомъ, привозится не малое количество дохлыхъ собакъ, кошекъ и прочихъ навозныхъ частей, которыя въ продолженіе всей весны наполняютъ и заражаютъ своими испареніями воздухъ, падающій на легкія скота, содержимаго уже и безъ того круглый годъ въ душныхъ, темныхъ и сырыхъ помѣщеніяхъ, лишенныхъ совершенно притока свѣжаго воздуха; эти обстоятельства подтверждаются тѣмъ, что на нашихъ бойняхъ не оказывается даже одной десятой части скота съ здоровыми легкими.

Городскіе здѣшніе выгоны состоятъ въ управленіи городской распорядительной думы и приносятъ незначительный доходъ лишь отъ пастбы скота; естественно, что всякое казенное управленіе, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требуются спеціальныя познанія, правильное систематическое хозяйство, затрата капитала и личный надзоръ и распорядительность, — представляется крайне-неудобнымъ и безвыгоднымъ; тогда какъ частная дѣятельность даетъ полную возможность достигать во всѣхъ хозяйственныхъ дѣлахъ результатовъ самыхъ благопріятныхъ.

Если бы городскіе выгоны, подобно другимъ этого рода казеннымъ землямъ, отдаваемы были въ частное пользованіе отъ 12 до 15 лѣтъ, съ обязательствомъ арендатора производить на нихъ правильное травосѣяніе и отводить ежегодно для пастбы скота извѣстную часть поля, съ тѣмъ, чтобы все оно было воздѣлано, осушено, очищено и т. п., то городская дума могла бы пользоваться тѣмъ же самымъ доходомъ, какой она имѣетъ теперь отъ пастбы скота, а жители города имѣли бы удобный выгонъ, часть котораго, съ помощію искусственнаго травосѣянія,

РУССКІЙ МІРЪ

ГАЗЕТА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Выходитъ ежеднѣльно, по субботамъ.

17 ФЕВРАЛЯ.

1862.

№ 7.

лучаютъ, въ премію, по выбору: или одинъ томъ Сочиненій Русскихъ Авторовъ, или одну изъ оперъ изъбранныхъ композиторовъ.

Подписка принимается:

въ главной конторѣ журнала, при музыкальномъ магазинѣ О. Стелловскаго, въ Дворѣ Его Величества, въ Большой Морской, въ д. Лауферта, № 27.

Въ книжномъ магазинѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольшаной.

ДВѢ СЕСТРЫ.

(ОЧЕРКЪ.)

I.

На крутомъ берегу матушки-Волги находится губернской городъ N. Въ отдаленной части этого города есть грязная, вонючая улица Кавалиха. Почему носить она такое названіе, не могу сказать навѣрное; существуетъ она очень давно, и сторожилы рассказываютъ, будто прежде въ этомъ мѣстѣ текла маленькая рѣчка—Кавалиха, что потомъ она высохла, а названіе ея перешло къ улицѣ. Въ настоящее время посреди Кавалихи находится канава, выходящая въ поле, къ оврагу; въ нее стекаетъ вода со всѣхъ окрестныхъ улицъ. Весной грязь на Кавалихѣ непроходимая, а лѣтомъ въ канавѣ остается жидкій вонючій илъ, въ которомъ постоянно валяются свиньи, или утки ищутъ червяковъ, а по сторонамъ ея сильно растутъ крапива и репейники.

Тротуары на этой улицѣ попадаются только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а о мостовой нечего и говорить: ее совершенно нѣтъ и еще Богъ знаетъ, когда выйдетъ Кавалиха изъ первобытнаго состоянія! На этой улицѣ, недалеко отъ стараго мостика черезъ канаву, стоитъ деревянный домъ съ тремя окошками на фасадѣ. Въ немъ занимаетъ квартиру за 6 рублей 30 коп. въ мѣсяцъ Александръ Петровичъ Вьюшницъ, чиновникъ, прожившій на бѣломъ свѣтѣ около 35 лѣтъ. Квартира его состоитъ изъ трехъ комнатъ и кухни. Стѣны въ комнатахъ оштукатурены были лѣтъ 50 тому назадъ, полъ нѣкогда былъ тоже крашеный, что доказываютъ полосы желтаго цвѣта на половицахъ подъ диваномъ, остальные совершенно побѣлѣли. Комнаты имѣютъ какой-то старческій видъ. Мебель сдѣлана была, когда еще жили дѣдушка и бабушка Александра Петровича; онъ дорожитъ ею какъ святыней. На нѣкоторыя кресла нельзя даже садиться, не рискуя упасть; впрочемъ хозяинъ не допуститъ гостя до подобнаго скандала. Увидя, что кто нибудь намѣревается сѣсть на такое кресло, Александръ Петровичъ сейчасъ удержитъ и ласково скажетъ: «не садитесь туда: у него ручка очень худа, да и ножка держится пока его не тронешь; пожалуйте лучше вотъ сюда», и при этомъ покажетъ на диванъ. На стѣнахъ висятъ двое часовъ, ружье, нѣсколько скрипокъ и 3 или 4 засаленныя картины. Но первое, что бросается въ глаза при входѣ въ комнату, это необыкновенное множество кѣтокъ съ птицами; онѣ развѣшаны вездѣ, куда ни взгляните: и на потолокъ, и на стѣнахъ, и на окошкахъ; нѣкоторыя стоятъ на столахъ. Весной и лѣтомъ птицы заливаются во все горло, такъ что если кому нужно говорить, то онъ долженъ кричать, а Александръ Петровичъ съ улыбкой скажетъ: «что, каково»? Если же какому нибудь гостю, зимой,

говоря о погодѣ, вздумается замѣтить, что вотъ и птицы не поютъ: и имъ холодно, то хозяинъ на это замѣченіе только улыбнется и прибавитъ: «пѣтъ, онѣ такъ, заснули маленько; вотъ послушайте какъ сейчасъ запоютъ». Съ этими словами онъ пошаритъ въ углу своего допотопнаго дивана и выгнать оттуда дудку и трещотку, возьметъ первую въ губы, а вторую въ руки и начнетъ свистѣть и трещать на разные манеры; потомъ, видя, что птицы неохотно запѣваютъ, онъ вскочитъ и начнетъ: «ну, ну, начинайте, голубчики, что притихли? пи, пи, пи... чуви, чуви, тю, тю, тю... пи, пи... Наконецъ схватитъ скрипку со стѣны и начнетъ какую нибудь русскую пѣсню съ аккомпаниментомъ на дудкѣ и притопываньемъ. Птицы, видя такія усилія хозяина, начнутъ орать во все горло, а торжествующій Александръ Петровичъ сядетъ на диванъ, спрячетъ въ уголь дудку и трещотку и, обратясь къ оглушенному гостю, скажетъ: видите, какъ хорошо! а вѣдь теперь декабрь, да еще и вечеръ, канарейки нигдѣ не поютъ въ это время, только у меня; этимъ ужъ я могу похвастаться.» Во вторую комнату допускаются только тѣ гости, въ которыхъ хозяинъ увѣренъ, что они не посмѣются надъ нимъ, а напротивъ похвалить, хотя имъ и будетъ смѣшно или не понравится. Разъ собралось у него нѣсколько такихъ пріятелей. Разговоръ шелъ на любимую Александромъ Петровичемъ тему: о птицахъ. Вдругъ Александръ Петровичъ всталъ и таинственнымъ голосомъ проговорилъ: «нехотите ли, если не побрезгуете, взглянуть въ ту комнату? тамъ у меня, такъ сказать, рай земной устроенъ.» Гости съ удивленіемъ встали и вошли вслѣдъ за хозяиномъ въ другую комнату. Она была раздѣлена пополамъ частой веревочной сѣткой, прикрѣпленной къ потолку и къ стѣнамъ крючками; по одну сторону ея стояло дѣтственное ложе Александра Петровича, сундукъ и два стула, а по другую на полу были насыпаны песокъ и воткнуты елки; за сѣткой находилось до 60 канареекъ. Гости удивлялись изобрѣтательности Александра Петровича и разглядывали птицъ. Александръ Петровичъ былъ въ восторгѣ отъ похвалъ и объявилъ, что онъ часто послѣ обѣда съ чашкой кофе забирается за сѣтку и съ наслажденіемъ смотритъ на летающихъ тамъ птицъ. Къ стѣнамъ птичника прибиты картонныя коробки съ круглымъ отверстіемъ на одной сторонѣ, и Александръ Петровичъ объяснилъ гостямъ, что это гнѣзда и что у него вышло нѣсколько канареекъ. Вотъ каково было жилище Александра Петровича!

Въ дѣтствѣ онъ учился въ гимназій, потомъ поступилъ въ университетъ, но не окончилъ курса и сдѣлался учителемъ уѣзднаго училища; черезъ нѣскольколѣтъ надоѣла ему эта должность и онъ перешелъ становымъ и наконецъ поступилъ въ казенную палату помощникомъ столоначальника. Перемѣна должностей, должно быть, ему надоѣла и потому онъ успокоился на мѣстѣ помощника сто-